
СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ И ПОЛИТИКА

С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛЯ И ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Цель исследования, представленного в данной статье, – развить институциональный подход для анализа перспектив формирования современной политики в России. При этом решается исследовательская задача изучить возможности и условия конституирования политического поля / пространства как сферы развертывания политических практик. Показаны институциональные проблемы, препятствующие реализации политики современного типа. На основе идеал-типического конструкта политического поля и разработанного авторами понятия «зона власти» рассматриваются состояние, предпосылки, условия и критерии кон-

*** Патрушев Сергей Викторович**, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом сравнительных политических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), профессор Всероссийской академии внешней торговли (Москва, Россия), e-mail: servpatrushev@gmail.com; **Филиппова Людмила Евгеньевна**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, e-mail: ludmila_filippova@hotmail.com

Patrushev Sergey, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Russian Foreign Trade Academy (Moscow, Russia), e-mail: servpatrushev@gmail.com; **Philippova Liudmila**, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: ludmila_filippova@hotmail.com

ституирования политического пространства в современной России. Обсуждается возможность стратегического поворота власти к новой модели развития.

Ключевые слова: политическое поле; политическое пространство; политика; зона власти; Россия.

S.V. Patrushev, L.E. Philippova
**Institutional problems of the constitution of political field
and politics in contemporary Russia**

Abstract. The aim of the research presented in this article is to develop an institutional approach for analyzing the prospects of formation of modern politics in Russia. The research task is set to study the possibilities and conditions for constituting of a political field / space as a sphere for deployment of political practices. Institutional problems that impede implementation of modern-type politics are shown. The status, prerequisites, conditions and criteria for constituting of a political space in modern Russia are considered on the base of the ideal-typical construct of political field and the notion of «zone of power» developed by the authors. The possibility of a strategic turn of today's authorities towards a new development model is being discussed.

Keywords: political field; political space; politics; Russia.

Введение.
О пространстве, поле и политике

Словосочетание «социальное пространство», введенное Г. Зиммелем в 1903 г., развил П. Сорокин в 1920 г. в «Системе социологии», определив его как многомерное пространство, включающее политическое измерение. При этом Г. Зиммель отмечал, что «единственная область, в которой социальные образования рано стали осознаваться как таковые, – это область практической политики» [Зиммель, 1996, с. 321]. Зиммель обосновывал это тем, что «в сфере политики необходимое для всякого осознания различие было дано посредством противопоставления одних групп другим, и, кроме того, в политическом аспекте отношение между отдельным человеком и всеобщностью требует очень заметного вклада именно от человека, что всегда пробуждает более ясное сознание, в отличие от преобладающего восприятия индивидом других отношений между ним и его группой» [там же].

Термины «политическое пространство», «политическое поле» начинают активно использоваться в западной политической науке с 1980-х годов, в Россию они приходят десятилетием позже.

Поле / пространство политики исследуется как «объективное» (по аналогии с физическим пространством¹) или «субъективное»; как «статичное» (структуры, конфигурации) или «динамичное» (деятельность / действие), *транзитивное*; а также соотносится с *другими полями / пространствами* (экономическим, правовым и пр.) [Martin, 2003; Political field theory...; Пространство в России... 2003; Пушкарева, 2012; Солодкая, 2016; Цветкова, 2014].

Наряду с этим обсуждаются вопросы о том, что делает поле «политическим» и, соответственно, как определяется политическое; в чем различие между политическим, административным и властным полями [Кордонский, 2006]. Подчеркнем, что дискуссия вокруг этой проблемы не просто постоянно воспроизводится, но, кажется, и не прекращается. На переломе столетий российский социолог М.Н. Афанасьев в очередной раз констатировал: «Вся эта “политика”, о которой нам рассказывают, в строгом смысле слова *политикой* не является, ибо последняя есть сфера всеобщего – пространство общественного дискурса для согласования социальных интересов и программ общего действия. Но эксперты и обозреватели вполне адекватны – они толкуют о том, что видят. Неадекватен наш теоретический язык: как только речь заходит о “государстве” и “обществе”, мы сразу начинаем рассуждать в понятиях “политический институт”, “классы и социальные группы”, “элиты”, – т.е. в понятиях, разработанных в ином цивилизационном контексте и отражающих социальное бытие-сознание иного рода – в понятиях *публичной власти* и *гражданского общества*» [Афанасьев, 2000, с. 29–30]. Несмотря на очевидное продвижение российской политической науки за прошедшие почти два десятилетия [см.: Тенденции... 2018], мы можем повторить практически то же самое относительно теоретического языка современных политологических исследований России.

Понятие политического, введенное и обоснованное К. Шмиттом, предполагает, что оно существует там, где есть противостояние политических, публичных врагов [Schmitt, 1932].

¹ Идея поля используется в физике для интерпретации того, как повсеместная сила – пространство-время или электромагнетизм – внутри окружающей среды может быть причиной изменения в любом заданном объекте. В физическом смысле классическое поле представляет собой динамическую систему с бесконечным количеством степеней свободы, помеченных пространственным расположением [Torre, 2016].

Шмитт называет это экзистенциальным противостоянием, т.е. противостоянием людей, которые действительно готовы умирать в этой борьбе. Если экзистенциального противостояния нет, тогда нет и политического. Политическое предполагает также свободу. Политика есть там, где некоторая общность усматривает себя как единство через определенного рода организацию коллективных действий. Политическое – это возможность коллективного действия, причем именно через него только и опознается производящая это действие коллективность, происходит артикуляция власти как материальной, ограничивающей силы и трансцендирующего коллективность авторитета [Филиппов, 2005; 2012].

Понимание политического пространства эволюционировало от представления об административно-географической территории, на которой протекает политическая жизнь, к видению политического пространства как разновидности социального, *которое* складывается ансамблем различных полей, включая «поле власти» – пространство силовых отношений между агентами и институтами [Бурдые, 2005, с. 369]. Дальнейшее продвижение, на наш взгляд, возможно, если отталкиваться от того «политического воображаемого», которое индивиды полагают в качестве политики. Так, например, нами было показано, что политика в России воспринимается людьми как «место» функционирования власти, принципиально отличное от остального общества (и, в значительной мере, враждебное ему) [Гражданское и политическое... 2013].

Термин «поле» может быть в известном смысле соотнесен с термином «порядок» как системой или упорядоченным способом ведения дел (см. подробнее исследование П.В. Панова [Панов, 2011]). Отсюда возникает ключевая проблема правил, система которых обеспечивает порядок и, строго говоря, им является, – как правила создаются и изменяются акторами? Порядок – это организационные структуры, которые формируют жизнь людей и варьируются от места к месту или от группы к группе. Порядок (в целомном древнегреческом смысле *politeia* – *политии*) – это не только институты, но и ценности, «инстинкты», привычки и обычаи [Regime...].

«Порядок» в большей мере допускает критическое участие и сознательные действия, поскольку теоретизация в понятиях «порядка» связывает фундаментальные конфликты с ценностями,

идеологиями и идентичностями, а также с силовыми структурами, – все они, в принципе, могут быть изменены.

Современные системы – это множество дифференцированных подполей с отношениями внутри и между ними, структурирующими поведение человека. Каждая область имеет собственные правила игры. По словам голландского социолога Э. Хендрикса, «порядок означает то, как социальные поля, их системы престижа, логика и концепции человеческого благосостояния отличаются друг от друга и иерархизируются» [Hendriks].

Использование концепта «политическое пространство» (и «политическое поле») определяется целью и методологией исследования. Методология и инструментарий зависят от смыслового наполнения понятия.

Мы понимаем под политическим пространством публичную сферу институционализированных взаимодействий, диалога и конфликта по поводу общих целей и значимых проблем, стратегических решений для общества.

Как идеал-типический конструкт политическое поле представляет собой пространство отношений политических акторов, идентифицирующих себя по принципу «свой – чужой»; сферу производства (а) конвенций и «правил игры», т.е. институций, и (б) общих целей и ценностей, которые становятся основой для социальной интеграции и легитимации социального порядка; предпосылку универсализации норм (в форме законов), конституирования и функционирования политического государства.

Соответственно, признаками формирования политического поля являются: образование политических идентичностей (расколов) и их идеологическое оформление; расширение индивидуального и коллективного участия; институционализация конфликта и диалога между гражданами, а также между гражданами и государством; правовая универсализация норм и процедур взаимодействия внутри политического сообщества.

Политические поля изменяются на основе набора убеждений людей. Применение общих правил к группе или подгруппе субъектов означает, что правила облегчают достижение интересов для одних участников и затрудняют для других. Таким образом, в любой момент времени некоторые участники желают преобразовать существующие структуры правил, а другие захотят их сохранить.

Возможность институционализации политического пространства

Предпосылка институционализации сферы политического – (прото)политическое сообщество, образуемое взаимодействиями индивидуальных и коллективных акторов, структурированное по горизонтали (идентификация акторов с нормативно-ценностными конфигурациями и конкретными проектами развития) и по вертикали (возможности акторов влиять на изменения и результаты политики). Формирование политики современного типа, гражданского общества на основе солидарности граждан, универсального политического порядка, политического института государства предполагает обновление морального порядка, эмпауэрмент на основе вовлечения индивидов в публичные практики и приобретения ими навыков политических действий (= обретение субъектности), социетальную интеграцию на базе универсализации действующих норм.

Проводимое научным коллективом отдела сравнительных политических исследований ИС РАН с середины 1990-х годов изучение российской политики в разных ее измерениях, преимущественно с институциональной точки зрения [Институциональная политология... 2006; Социальные сети... 2006; Социальные сети... 2007; Новые направления... 2007; Россия в процессе реформ, 2009; Модернизация и политика... 2011; Граждане и политические практики... 2011; Гражданское и политическое... 2013; Массовая политика... 2016], позволило выявить важные проблемы и характеристики феномена «политического» в России и, как следствие, потребовало разработать новый методологический подход и новое теоретическое понимание тех явлений и процессов, которые нередко определяются исследователями как «политические».

Речь идет об исследовании предпосылок и условий формирования политического в России, прежде всего конституирования политического пространства как сферы политических практик. Понятие политического пространства предполагает нелинейность и целостность, задает исследовательские границы, но не предопределяет характера политической деятельности, которая может здесь разворачиваться.

В России сложился ряд институциональных проблем, препятствующих конституированию политического пространства в указанном выше смысле и, соответственно, возникновению поли-

тики вообще и политики современного типа в частности. Главные из этих проблем перечислены ниже.

– Неартикулированность политических позиций и структур, проблематичность становления и институционализации любых политических образований, например партий, движений и идейных течений [см.: Гражданское и политическое... 2013, с. 7].

– Политическая дифференциация основана не на идеологиях или альтернативах развития страны, а определяется лишь поддержкой власти или оппозицией к ней [см.: там же, с. 29–30].

– Перенос неформальных отношений из сферы повседневной в публичную и их воспроизводство в публичной сфере, дефицит реципрокности в исполнении публичных ролей – пренебрежение властей к правам граждан и ответное безразличие граждан к установленным законом обязанностям [см.: Институциональная политология, 2006, с. 106].

– Устойчивая деформализация формальных норм и правил: политические институты остаются «фасадными», а политические практики регулируются неформальными нормами, которыми руководствуются как рядовые граждане, так и властные структуры [см.: там же, с. 350].

– Незавершённость институционального дизайна как следствие процессов деформализации: проблема не в дефиците институтов, а в том, как они реально действуют.

– Фрагментированность и несвязанность между собой политического и правового порядков, которые воспринимаются гражданами раздельно, поскольку функционируют в таком же режиме [Панов, 2008].

– Возникновение институциональных ловушек, неэффективных и самоподдерживающихся норм и институтов, когда выход из проблемной ситуации оказывается намного сложнее и затратнее, чем пребывание в ней [см.: Институциональная политология... 2006, с. 42, 55, 85; Полтерович, 2007; Скоробогатский, 2011].

Комплекс этих проблем образует «современную российскую институциональную тропу зависимости»¹, воспроизводство практик, ситуаций, процессов, которые препятствуют формированию политического в России.

¹ Об обсуждении концепции тропы зависимости в зарубежной и отечественной науке см.: [Евсеева, 2017].

Понимание политического пространства как институционализированной публичной сферы политических взаимодействий и политической игры социальных акторов, их сотрудничества и борьбы, протеста и поддержки, конфликта и диалога по значимым проблемам в рамках наличного и альтернативных проектов, целей и стратегических решений для общества, позволяет не сводить политику исключительно к властным отношениям и не отождествлять ее с борьбой за власть – ее захватом, переделом, употреблением и т.п. Ключевым аспектом политики является продвижение сценариев и проектов для общества – поиск определения и путей достижения общественного блага. Наличие российской «тропы зависимости» приводит к выводу о том, что в России институционализированное политическое пространство не сложилось.

Понятие политического поля во многом, но с известными поправками, созвучно термину «арена действия», который, согласно Э. Остром, «относится к социальному пространству, в котором люди взаимодействуют, обмениваются товарами и услугами, решают проблемы, господствуют друг над другом или борются (среди многих вещей, которые люди делают на аренах действий)». Остром отмечает, что «большая часть теоретической работы останавливается на этом уровне и принимает переменные, определяющие ситуацию, а также мотивационную и когнитивную структуру актора как данности. Анализ продолжается в сторону прогнозирования вероятного поведения индивидов в такой структуре» [Ostrom, 2010]. Наше исследование нацелено на понимание того, как возникает эта данность ситуации и акторов.

При анализе институционализации политического поля мы придерживаемся простого и потому красивого определения Э. Остром: институт – это набор действующих (работающих) правил, которые люди используют при принятии решений и на которые участники будут ссылаться, если их попросят объяснить и оправдать свои действия другим участникам; «действующие правила – это такие правила, которые действительно используются, за соблюдением которых осуществляется мониторинг, и они защищены соответствующими механизмами, когда индивиды выбирают те действия, которые они намерены предпринять...» [Ostrom, 2005, p. 19]. При этом важно отметить, что институт призван восстанавли-

ливать те или иные культурные образцы, которые не могут постоянно порождаться заново в коммуникации.

Если нормы формально писанные – это еще не институт, если данные нормы действуют – это институт; если нормы неформальные – это неформальный непубличный институт. Другое дело – можно ли институционализировать неформальные «понятия», которыми, по данным нашего пилотного опроса 2017 г., по-прежнему руководствуются в российской политике. В любом формальном институте есть неформальные практики, это «смазка», потому что ригидную букву нормы почти всегда трудно, подчас невозможно выполнять. Как справедливо, на наш взгляд, утверждают исследователи, «формальные институты могут работать исключительно при условии их неформальной коррекции» [Барсукова, 2015, с. 19–20]. Когда неформальные нормы полностью замещают формальные – то, что мы называем деформализацией, институт «исчезает» – из-за несоответствия дизайну, замыслу, ради которого он создавался, закону, конституции, праву. Это не означает, что какие-то организованные практики не сохраняются – имеют место неформально организованные практики, нередко латентные [Соловьев, Миллер, 2017]. Более того, в российском случае (впрочем, не только в российском) такие практики при отсутствии качественных институтов власти, признаются исследователями свойством государственного института, несмотря на то что «при подобной системе слабо агрегированы общественные интересы» [Миллер, 2016].

Зона власти

Как мы отмечали выше, наши эмпирические исследования показали, что россияне воспринимают политику как некое «место», ограниченное и закрытое, как своего рода «зону»¹, где действуют политики – не ради общего блага, а ради реализации и достижения личных или узкогрупповых, корпоративных целей; при этом россияне не увязывают существующий властный порядок с порядками правовым и моральным (расхожее определение

¹ Зона (от греч. ζώνη «пояс») – область, характеризующаяся какими-нибудь общими свойствами, признаками.

респондентов: «политика – грязное дело», т.е. явление, ничего общего ни с правом, ни с моралью не имеющее)¹.

По существу, институционализированное политическое пространство в представлениях россиян замещено *зоной власти*. Используя данную терминологию, мы следуем предложенной И. Гофманом традиции зонирования пространства, заложенной американским социологом в главе «Зоны и зональное поведение» его классической работы «Представление себя другим в повседневной жизни» [Гофман, 2000].

За точку отсчета при определении границ зоны Гофман берет индивидуальное исполнение, относительно которого структурируется пространство, распадаясь, в первую очередь, на передний и задний планы: «Исполнение индивида в зоне переднего плана можно рассматривать как усилие создать впечатление, будто его деятельность в этой зоне воплощает и поддерживает определенные социальные нормы и стандарты» [там же, с. 122]. Исследователи отмечают, что «зоны имеют свои характеристики, которые определяют возможности актора создавать и поддерживать впечатление, – они имеют определенную «обстановку», «декорации», тщательно продуманный внешний вид и внешнее выражение (включая манеры, речь и т.п.) самого действующего лица. В закулисной зоне проявляются скрываемые от публики факты, такие, например, как усилия по подготовке индивидуального или командного представления на авансцене. Предполагается, что «закулисная зона» – та, которая не используется для управляемого создания впечатления перед аудиторией» [Чернявская, 2008, с. 330].

Заметим также, что И. Гофман фокусировался на изучении «малых групп» – замкнутых социальных пространств как совокупности горизонтальных и вертикальных отношений между единицами, организующими деятельность для достижения определенных

¹ К сходной картине российской реальности, исходя из иных теоретико-методологических установок, приходят исследователи проблем реформирования системы управления в России. Они констатируют, что, по мнению большинства граждан, «система управления ориентируется не на дело, а на отчетность перед вышестоящей инстанцией, что руководство использует ресурсы организации в личных целях, а руководящий состав превращается в междусобойчик, в клику, что руководство ориентируется не на дело, а на сохранение власти, что при подборе кадров руководствуются не деловыми качествами людей, а личной преданностью» [Россия: Реформирование... 2017, с. 336–337].

целей на основе моральных и иных общекультурных ценностей, осуществляющими асимметричный социальный контроль над распределением ресурсов и применением власти, с точки зрения управления создаваемыми там впечатлениями и определения ситуации.

По мнению Э. Гидденса, «...деление на передний и задний планы никоим образом не совпадает с границей, существующей между обособлением (сокрытием, утаиванием) личностных аспектов и их разоблачением. Задние планы представляют собой важный ресурс, рефлексивно используемый влиятельными и не очень индивидами для обеспечения и поддержания психологической дистанции между их собственными взглядами на социальные процессы и теми трактовками, которые встречаются в официальных нормах» [Гидденс, 2003, с. 194].

Одним из наиболее существенных препятствий (если не главным) для формирования универсального политического порядка в современной России является дуализм российского политического сознания и политической культуры – противоречие между поверхностной современностью и глубоким архаизмом. Этот дуализм лежит в основе российских социальных практик и влияет на выработку позиций по отношению к власти и актуальной политике. Социальные и политические инновации оцениваются по архаичной системе критериев. Политическая активность как атрибут современной политики относится к «внешнему» слою нормативно-ценностного комплекса, конфликтующему с традиционалистским «ядром» российской культуры [Патрушев, Филиппова, 2017].

В результате в современной России не может сформироваться институционализированное политическое поле, а вместо него сложилась деформализованная неполитическая зона власти, т.е. российская политика представляет собой, по сути, квазиполитику. Перечислим основные характеристики зоны власти, полученные на основании теоретического анализа и обобщения некоторых эмпирических данных.

Первое: зона власти формируется *кликами*, которые складываются на социальном (межличностном) уровне и в процессе иерархизации переносят неформальные нормы и практики на социальный уровень, на уровень потенциального бытования политики.

Второе: зона власти обеспечивает *неполитическое господство* преимущественно с помощью силы и денег, связей и «понятий» – так российские люди понимают действия существующей

власти. Российская власть ничем не ограничена и не принадлежит гражданам.

Третье: *акторы зоны власти не являются политическими, не обладают выраженной и четкой идеологией и, по существу, не имеют политической идентичности, замещая ее лояльностью к принципам кликовой организации.* Лояльность и личные связи определяют доступ в зону власти.

Наконец, зона власти принципиально *ограничена и блокирует массовое вовлечение граждан в политические практики*, вытесняя институты политического представительства механизмами исключения на основе доминирования указанного принципа лояльности. Универсальные нормы (правопорядок) подменяются ситуативными договоренностями, а принятие политических решений – администрированием.

Важным для понимания сущности сложившейся в России зоны власти является вопрос о соотношении между кликой, сетевой структурой, патрон-клиентскими отношениями, клиентелой. Социологически клика означает сообщество «своих», действующих на основе личного доверия и «сговора» в обход закона, формальных правил. Патрон-клиентская клика – одна из разновидностей вертикальной клики, не всегда самая распространенная, есть и другие виды вертикальных и горизонтальных клик [см.: Патрушев, Хлопин, 2007].

Клиентела [см.: Патрон-клиентские отношения... 2016] является своего рода предысторией клики и в этом качестве придает последней квазитрадиционные, если не архаичные, черты. Социальная солидарность и гражданская ответственность россиян подменяются личной преданностью семейного и дружеского типа, что воспроизводит дополитическое и, соответственно, дообщественное (досоциетальное) состояние социума, элементы архаического сознания – как условия устойчивости зоны власти и кликового типа организации [Патрушев, Филиппова, 2017].

Таким образом, зона власти препятствует завершению институционализации и политической интеграции на социетальном уровне.

Можно полагать, что политика (внутренняя и внешняя, экономическая, социальная, культурная, научная, образовательная, технологическая и т.д.), обеспечивающая современный тип развития России, невозможна без конституирования политического пространства и политического порядка, что означает:

- образование (прото)политического сообщества, структурированного нормативно-ценностной и проектной идентификацией индивидуальных и коллективных акторов и их возможностями влиять на ход и результаты политики;

- идеологическое оформление политических идентичностей (расколов);

- формулирование политических программ развития социальной направленности;

- расширение политического участия;

- правовую универсализацию конвенций и «правил игры» в виде легитимных и действующих законов;

- утверждение политического института государства как властного, политико-культурного, нормативно-процедурного порядка, отражающего относительно стабильное состояние общества.

Насколько российские реалии соответствуют характеристикам идеал-типической модели политического пространства и политического порядка, каков потенциал политической трансформации и институционализации власти? Иными словами, каковы перспективы политики в России?

В поисках стратегии политического развития России

Исследования, проведенные в рамках проектов РГНФ, ИСП РАН и ИС РАН 1996–2015 гг., показали, что последние два десятилетия в России в публичном дискурсе в качестве нормативно-ценностных оснований российского социума преобладают выгода, сила и т.п., оттесняя закон, свободу, традицию и мораль, доверие и равенство.

Выгода сохраняет лидерство в ценностном пространстве России с середины 1990-х годов, она маргинализирует прочие нормативно-ценностные ориентации. В 2000-е годы, с приходом к власти «силовика» В. Путина, слегка снижалось значение силы и несколько повышалось – закона.

Но если задать вопрос не о «сущем», а о «должном» основании социума, обнаруживается кардинальное изменение выбора респондентов из предложенного им нормативно-ценностного набора: декларируя приверженность «популярным» словам и даже ориентируясь на них практически, люди этого не слишком хотят.

Ценности переворачиваются радикальным образом, и наименее желаемой оказывается та же выгода, та же сила, даже собственность и личный успех. Можно трактовать это как разрыв легитимности: социальный порядок латентно не легитимизируется людьми. Но можно поставить вопрос по-иному: это свидетельство необходимости выстраивать отношения на основе желаемых предпочтений людей.

Насколько реализуем подход, ориентирующийся на устойчивые нормативно-ценностные структуры России?

Осенью 2017 г. председатель Высшего совета партии «Единая Россия» кандидат политических наук Б. Грызлов представил руководству партии доклад под названием «Справедливость. Ответственность. Доверие» [Дорофеев, 2017]. «Мы иногда упрощенно представляем себе ожидания граждан и думаем, что современное общество сконцентрировано только на прагматизме и материальных вещах. Ни в коем случае не отрицая их, хочу сказать, что категории идеальные, категории справедливости и доверия, и осознание ответственности определяют многие настроения в обществе», – заявил руководитель группы по государственно-партийному строительству В. Плигин [Плигин... 2017].

Судя по сообщениям прессы [Гурова, Обухова, Скоробогатов, 2017], в неопубликованном докладе под справедливостью понимается «системная реализация возможностей и прав граждан в их саморазвитии и самореализации, прозрачность и удобство правовой системы, адекватный доступ к развитому социальному капиталу и социальным лифтам». Эта ценность отражает противопоставление культуре патернализма и обеспечивает не материальное равенство, а последовательное соблюдение гражданских прав. Ответственность означает «совместную деятельность различных сообществ и культур, организаций и объединений, основанную на идеях партнерства, единства “общего дела”, способность отвечать за судьбу страны и ее развитие». Ее необходимо культивировать внутри как общества в целом, так и каждого из его элементов, в качестве фундамента устойчивой политической системы и эффективных управленческих институтов. Доверие отражает готовность следовать принятым в обществе правилам, которые ассоциируются с единством, порядочностью и последовательностью; без доверия невозможно ни существование социальных институтов, ни эффективное государственно-политическое строительство. Ни справедливость,

ни ответственность не могут быть достигнуты без доверия. Современное российское общество по целому ряду критериев расколото на «своих» и «чужих»; наряду с вопросами национальной, религиозной, идеологической принадлежности поводом для розни и разделения оказываются также вопросы истории и культуры, экономики и искусства. Однако именно коллективное доверие и публичная сфера, открытая для дискуссии, свободного обсуждения и даже программной конкуренции, позволит преодолеть эти расколы.

В центр государственно-политического строительства предлагается поставить развитие человека и объединяющие граждан ценности, а не инструменты контроля и логику рыночной эффективности «...Эпоха, когда политика сводилась к действию упорядоченных бюрократических машин, осталась в прошлом. Современное государственно-политическое строительство – эволюционный процесс, требующий постоянной оптимизации собственных инструментов и глубокого понимания проблем и вызовов, возникающих перед обществом и развивающейся социальной средой». Эти вызовы охватывают «четыре проблемных поля, связанных с легитимностью управления, институтами представительства, гражданской активностью и человеческим капиталом» [Плигин... 2017].

«Для эффективного функционирования государственных институтов и их работы в рамках ценностной триады “Справедливость, Ответственность, Доверие” необходимо развитие институтов прямой демократии и политической конкуренции, общественно полезное гражданское участие, например, волонтерство и местное самоуправление», этому «может поспособствовать ряд административных и законодательных решений, связанных с законодательной поддержкой волонтерства, популяризацией местного самоуправления и налаживанием взаимодействия местных органов власти с гражданами», – заключил Плигин [там же].

Слова «справедливость», «доверие», «уважение» активно использовал президент России В.В. Путин в своем послании Федеральному собранию 1 декабря 2016 г. «...люди рассчитывают... на уважение к себе, к своим правам, свободам, к своему труду. <...> Принципы справедливости, уважения и доверия универсальны. <...> Любая несправедливость и неправда воспринимаются очень остро. <...> Общество... все больше ценит такие качества, как ответственность, высокая нравственность, забота об общественных интересах, готовность слышать других и уважать их мнение. <...> Можно ли достойно раз-

виваться на зыбкой почве слабого государства и управляемой извне безвольной власти, потерявшей доверие своих граждан? Ответ очевиден: конечно, нет», – говорил президент [Послание... 2016].

Публичное позиционирование этих позиций показывает, что даже устоявшийся официальный дискурс в принципе может меняться. Если такие идеологические перемены утвердятся, останется вопрос о результативности реализации «нового курса», который совершенно отличен от существующих практик и тенденций.

Исследования коллег-социологов показывают, что «сложившаяся в стране система управления находится в критическом состоянии», что делает ее «непригодной для достижения каких-либо рациональных инновационных действий» [Россия: Реформирование... 2017, с. 90]. Группы населения с высшим образованием констатируют отчуждение на местах значительного числа руководителей от исполнителей, частую подмену управления командованием или сговором, присутствие в действиях руководителей признаков коррупции и т.п., а также явное превалирование властной составляющей во властно-управленческой вертикали и административно-командный характер российской системы управления [там же, с. 118].

Авторы новейшего исследования российской власти приходят к выводу, что «реальная система управления в стране с ее подсистемами в регионах обладает исключительно низкой чувствительностью к спонтанным процессам социокультурного группообразования (например, этническим, религиозным, миграционным, протестным, волонтерским, политическим, культурно-творческим и т.п.), что является свидетельством ее неадекватности социальным изменениям и чревато непредвиденными последствиями. Застойное состояние пирамид территориального управления (властной, экономической и административной) связано с тем, что они строятся сверху вниз в интересах сохранения своего господствующего положения, неоправданно увеличивают дистанцию власти и становятся неспособными поддерживать самоорганизацию территориальных общностей, принижая фундаментальную роль местного самоуправления» [там же, с. 343].

На исходе 2010-х годов в России отсутствовала политика как отдельная сфера производства альтернатив общественного развития, которые бы формулировались и продвигались политическими акторами в публичном пространстве, формировали по-

люса, притягивающие сторонников и отталкивающие противников разных точек зрения. Как отмечают исследователи, «страна замерла в ожидании положительных перемен и боится, как бы не вышло хуже» [Россия: Реформирование... 2017, с. 336].

Политико-культурологический и исторический анализ показывает, что российский социокультурный дуализм обуславливает воспроизводство властных отношений и препятствует формированию универсального политического порядка. Его перспективы просматриваются с трудом. В данный момент можно оценивать лишь условия продвижения в направлении создания как гражданского общества на основе солидарности граждан, так и политического института государства. Эти условия, вытекающие из представленного ранее анализа, в чем-то параллельны идеям, сформулированным теоретиками партии власти, в чем-то пересекаются с ними.

Наиболее существенными условиями являются: сдвиг в публичном дискурсе от ценностей выгоды, личного успеха, собственности, силы к ценностям доверия, равенства, справедливости, свободы, солидарности – своего рода «моральная революция»; эмпауэрмент – становление гражданина, обладающего навыками реализации прав и свобод, политических действий, направленных на трансформацию институтов; универсализация действующих норм на основе верховенства права. В совокупности речь идет об обновленной интеграции на социетальном уровне. Оценка перспектив, степени и масштаба реализации этих условий должна быть предметом дальнейших исследований.

Список литературы

- Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. – 2-е изд., доп. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000. – 318 с.
- Барсукова С.Ю.* Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 215 с.
- Бурдые П.* О государстве: Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 720 с.
- Бурдые П.* Социальное пространство: Поля и практики. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – 576 с.

- Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. – М.: Академический проект, 2003. – 528 с.
- Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. – 304 с.
- Граждане и политические практики в современной России: Воспроизводство и трансформация институционального порядка / [ред. колл.: С.В. Патрушев (отв. ред.), С.Г. Айвазова, П.В. Панов]. – М.: РАПН: РОССПЭН, 2011. – 318 с.
- Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: РОССПЭН, 2013. – 524 с.
- Гурова Т., Обухова Е., Скоробогатый П. Страна для всех // Эксперт. – М., 2017. – № 43. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2017/43/strana-dlya-vseh/> (Дата посещения: 01.02.2018.)
- Дорофеев К. Борис Грызлов ищет способы преодоления раскола в обществе. Высший совет «Единой России» хочет предложить свою доктрину государственно-партийного строительства // Известия. – М., 2017. – 18 сентября. – Режим доступа: <https://iz.ru/646910/konstantin-dorofeev/boris-gryzlov-ishchet-sposoby-preodoleniia-raskola-v-obshchestve> (Дата посещения: 01.02.2018.)
- Зиммель Г. Социальная дифференциация // Зиммель Г. Избранное. – М.: Юрист, 1996. – Т. 2: Созерцание жизни. – С. 301–465.
- Евсеева Я.В. Концепция зависимости от траектории предшествующего развития: Основные положения и критика: Аналитический обзор // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2017. – № 3. – С. 41–57.
- Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – 586 с.
- Кордонский С.Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. – 2-е изд. – М.: ОГИ, 2006. – 239 с.
- Лысенко О.В. Игрок в политическом поле // Материалы конференции «Пермская элита: История, развитие, современное состояние» (Январь–февраль 2003 г.) – Режим доступа: http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=29&pod3_id=241 (Дата посещения: 01.02.2018.)
- Массовая политика: Институциональные основания / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 287 с.
- Миллер Т.В. Институты и сетевые практики в принятии государственных решений в России // Власть. – М., 2016. – № 12. – С. 93–98.
- Модернизация и политика в XXI веке / Ред. колл.: В.К. Коломиец, Ю.С. Оганисян, С.В. Патрушев; отв. ред. Ю.С. Оганисян; Ин-т социологии РАН. – М.: РОССПЭН, 2011. – 335 с.
- Новые направления политической науки: Гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика / Отв. ред. С.Г. Айвазова, С.В. Патрушев. – М.: РАПН: РОССПЭН, 2007. – 341 с.
- Панов П.В. Институты, идентичности, практики: Теоретическая модель политического порядка. – М.: РОССПЭН, 2011. – 230 с.
- Панов П.В. Институциональные основания устойчивости и фрагментации политического порядка в постсоветской России. – Пермь: ЗУИЭП, 2008. – 243 с.

- Патрон-клиентские отношения в истории и современности: Хрестоматия. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 415 с.
- Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. Дуализм массового сознания и типология массовой политики // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2017. – № 1. – С. 13–37.
- Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Социокультурный раскол и проблемы политической трансформации России // Россия реформирующаяся. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – Вып. 6. – С. 301–318.
- Плигин: Общественная активность определяет государственно-политический ландшафт страны // Единая Россия: Официальный сайт партии. – 2017. – 22 декабря. – Режим доступа: <http://er.ru/news/162899/> (Дата посещения: 01.02.2018.)
- Полтерович В.М. Элементы теории реформ. – М.: Экономика, 2007. – 447 с.
- Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России [Официальный сайт]. – 2016. – 1 декабря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (Дата посещения: 01.02.2018.)
- Пространство в России: Круглый стол // Отечественные записки. – М., 2002. – № 6 (7). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2002/6/prostranstvo-v-rossii> (Дата посещения: 01.02.2018.)
- Пушкарева В.Г. Политическое пространство: Проблемы теоретической концептуализации // Полис. Политические исследования. – М., 2012. – № 2. – С. 166–177.
- Россия: Реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов / Отв. ред. А.В. Тихонов. – М.: ФНИСЦ РАН, 2017. – 432 с.
- Россия в процессе реформ: Социально-политические аспекты / Российская академия наук. Институт социологии; отв. ред. Ю.С. Оганисян. – М.: Современная экономика и право, 2009. – 368 с.
- Скоробогачкий В.В. Институциональные ловушки в политике // Вопросы политологии и социологии. – М., 2011. – № 1 (1). – С. 29–40.
- Соловьев А.И., Миллер Т.В. Латентная сфера политики: Версия теоретической идентификации // Государственное управление: Электронный вестник. – М., 2017. – Вып. 63, август. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/latentnaya-sfera-politiki-versiya-teoreticheskoy-identifikatsii> (Дата посещения: 01.02.2018.)
- Солодкая М.С. Типология концептов политического пространства // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. – Оренбург, 2016. – Вып. 28. – С. 10–17.
- Социальные сети доверия, массовые движения и институты политического представительства в современной России: Опыт «старых» и «новых» демократий в условиях глобализации: Научный доклад (I) / С.В. Патрушев, С.Г. Айвазова, Г.Л. Кертман, К.М. Клеман, Л.Я. Машезерская, О.А. Мирясова, Т.В. Павлова, А.Д. Хлопин, Г.А. Цысина, Н.Д. Фатеева. – М.: Институт социологии РАН, 2006. – 104 с. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19462494> (Дата посещения: 01.02.2018.)
- Социальные сети доверия, массовые движения и институты политического представительства в современной России: Опыт «старых» и «новых» демократий в условиях глобализации: Научный доклад (II) / С.В. Патрушев, С.Г. Айвазова,

- Г.Л. Кертман, К.М. Клеман, Л.Я. Машезерская, О.А. Мирясова, Т.В. Павлова, А.Д. Хлопин, Г.А. Цысина, Н.Д. Фатеева. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – 185 с. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20147625> (Дата посещения: 01.02.2018.)
- Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: Традиция, рецепция и новация / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, С.В. Патрушев. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 477 с.
- Филиппов А.Ф. Пространство политических событий // Полис. Политические исследования. – М., 2005. – № 2. – С. 6–25.
- Филиппов А.Ф. Где живет политика // Полит. ру. – 2012. – 20 сентября. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2013/06/18/filippov/> (Дата посещения: 01.02.2018.)
- Цветкова О.В. Концепции политического пространства: Центр и периферия // Вектор науки ТГУ. – Тольятти, 2014. – № 1. – С. 171–173.
- Чернявская О.С. Социальное пространство: Обзор теоретических интерпретаций // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Н. Новгород, 2008. – № 5. – С. 329–335.
- Hendriks E.C. Regime theory: A preliminary sketch // Regime: Uncovering the fundamental order of radically different societies. – Mode of access: <http://regimetheory.eu/#linkTheTheory> (Accessed: 01.02.2018.)
- Martin J.L. What is field theory? // American journal of sociology. – Chicago, 2003. – Vol. 109, N 1. – P. 1–49.
- Ostrom E. Institutional analysis and development: Elements of the framework in historical perspective // Historical developments and theoretical approaches in sociology: Encyclopedia of Life Support Systems (EOLSS). – 2010. – Vol. 2. – Mode of access: <http://www.eolss.net/sample-chapters/c04/e6-99a-34.pdf> (Дата посещения: 01.02.2018.)
- Ostrom E. Understanding institutional diversity. – Princeton: Princeton univ. press, 2005. – 355 p.
- Political field theory // Complexity labs. – Mode of access: <http://complexitylabs.io/political-field-theory/> (Дата посещения: 01.02.2018.)
- Regime: Uncovering the fundamental order of radically different societies. – Mode of access: <http://regimetheory.eu/#linkTheTheory> (Accessed: 01.02.2018.)
- Schmitt C. Der Begriff des Politischen. Mit einer Rede über das Zeitalter der Neutralisierungen und Entpolitisierungen. – München; Leipzig: Verlag Von Duncker & Humblot, 1932. – 84 S.
- Torre Ch. G. Introduction to classical field theory // All complete monographs. 3. – Logan: Utah state univ., 2016. – Mode of access: https://digitalcommons.usu.edu/lib_mono/3 (Дата посещения: 01.02.2018.)